
ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

УДК 393 (470.331)

ББК 82.3(2=411.2)

Похоронно-поминальный обрядовый комплекс Селижаровского района Тверской области

Калмыкова Юлия Юрьевна

ведущий специалист по фольклору Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

Аннотация

Полевые материалы, собранные в 1996–1997 годах в ходе экспедиций Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова в районы Тверской области, относящиеся к территории бассейна озера Селигер, свидетельствуют о хорошей сохранности похоронно-поминального обрядового комплекса. В ходе обследования удалось зафиксировать подробные описания обряда, выявить его локальные особенности, например, редкие формы обрядовых земных поклонов, имеющих местное обозначение как «вытягивание», «кланяться на вытяжку» и совершаемых при прощании с умершим. В местной традиции сохранилось бытование сольных причитаний, включающихся на разных этапах в похоронно-поминальные ритуалы. Все эти обстоятельства дают возможность в полной мере представить, как обрядовый комплекс в целом, так и проследить функционирование в нем художественных форм.

Ключевые слова

Селижарово, бассейн озера Селигер, верховье Волги, похоронный обряд, причитания, поэтический мотив, проводы, помин, скугорить, родительские дни

Дата поступления статьи: 15.11.2020

Дата публикации: 01.05.2021

Для цитирования:

Калмыкова Ю. Ю. Похоронно-поминальный обрядовый комплекс Селижаровского района Тверской области // Народные традиции: музыка – поэзия – танец. 2021. № 1(1). С. 84–96.

DOI 10.53086/2713-0452-2021-1-1-008

Ю. Ю. Калмыкова (Санкт-Петербург, Россия)

Похоронно-поминальный обрядовый комплекс Селижаровского района Тверской области

В 1990-х годах экспедиционная работа, осуществляемая сотрудниками и студентами Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, была направлена на исследование территорий новгородско-тверского пограничья и в частности районов, расположенных в верховьях Волги и прилегающих к озеру Селигер (Селижаровский, Осташковский, Фировский, Пеновский районы Тверской области и пограничные с ними Валдайский, Демянский районы Новгородской области). Комплексное фронтальное обследование данной традиции позволило выявить сохранившиеся пласты традиционной культуры — художественные формы, подробные описания обрядов, в том числе и похоронно-поминального обрядового комплекса. Актуальность данного обряда способствовала сохранности в традиции его основных элементов без существенных изменений. Эти обстоятельства позволили зафиксировать большое количество описаний обрядовых моментов, примет, поэтических текстов и т. п. Рассматривая похоронно-поминальный обрядовый комплекс, мы будем опираться в основном на материалы Селижаровского района Тверской области и пограничных с ним территорий.

Комплекс ритуальных действий похоронно-поминального цикла можно условно разделить на несколько основных этапов: предсмертный период, обряды приуготовления к похоронам, проводы (похороны), поминовения.

Пожилые люди обычно заблаговременно готовили себе «смертное» (для женщин — платье, белье, чулки, платок; для мужчин — новый костюм, рубашка, белье). Также, старики заранее могли оставлять родственникам наказы относительно своих похорон, которые касались одежды, предметов, положенных в гроб, или самого обрядового процесса (отпевания, несения гроба на руках, шествия похоронной процессии до определенного значимого места и т. п.). Обычно наказы содержали настойчивые просьбы надеть приготовленный комплект одежды, использовать определенные полотенца или нести гроб на руках до конца деревни и т. д. Подготовка к последнему в жизни ритуалу могла быть связана и с поиском хорошей плакальщицы. Пожилой человек просил близких или тех, кто обладает таким умением, заранее попрочитать по нему, как по мертвому, чтобы оценить, хорошо ли его будут оплакивать после смерти.

В предсмертный период человек готовился к естественному уходу вследствие старости, который хоть и переживался также эмоционально, но воспринимался в народной культуре естественно. Негативным вариантом являлся внезапный уход в молодом возрасте, связанный с таким представлением как «неотжитый век».

При приближении смерти приглашали священника, который проводил исповедь и причастие (соборование) умирающего. В преддверии момента физической смерти у изголовья ставили стакан воды и открывали форточку. Колыхание воды соответствовало моменту отделения души от тела и свидетельствовало о том, что «душа окунулась и полетела на небеса». К лицу умершего подносили зеркало, чтобы убедиться, что он не дышит. Традиционно считалось, что трудная смерть сопровождает колдунов, которых «мучают черти». Для облегчения отхода таких людей могли разбирать потолок дома.

Сразу после фиксации смерти на угол дома вывешивали белую «тряпочку», что связано с традиционными представлениями о нахождении души умершего до 40 дней на земле, во

время которых она прилетает (приходит) «утираться» или «руки вытирать»: «Гаваря́т, што на саракаву́с и ходит душа. Быва́ла, всё на́ угал ве́шали тряпку. (Зачем?) А ёйна душа́ лёта́и вытира́ться» (Куниченко. ОАФ. № 4737-29)¹. В традиции Селижаровского района функцию такой «тряпочки» могло выполнять полотенце, платок или отрез ткани (коленкор, холст и т. п.) белого цвета. Обычно их закрепляли на угол дома: «На у́гал, где иконы — туда на улице и павесишь её. У меня бы́ла павешина, плато́чик. (Каким цветом?) Белым» (Куниченко. ОАФ. № 4737-29). «Тряпочка» висела на углу дома сорок дней, после чего ее снимали: «Сийча́с-та ни вывешивают, а раньше вывешивали палатёнце или тря́пачку белую, на пиредний у́гал вывешивают, на улицу. На со́рак дней висит э́та тря́пачка. Душа до́ма лята́ит со́рак дней — и мо́ится, и вытира́ется э́тай тря́пачкай. <...> Как со́рак дней прахо́дит, так уж эту тря́пачку [снимают]. Душа больше ни приля́тит» (Хорёво. ОАФ. № 4744-05).

Обряды приготовления охватывают период от смерти до дня похорон и традиционно имеют строго закрепленные временные границы, соответствующие трем дням. В первый день покойного готовили к похоронам: мыли, обряжали и укладывали на лавку, затем перекладывали в гроб.

Омовение покойного происходило сразу после констатации факта физической смерти. Родственники приглашали женщин-соседей, либо тех пожилых женщин, которые обычно совершали омовение умерших в данной деревне. Для омовения брали плохую посуду, мыло. Зачастую вместо целого куска мыла использовали «обмы́лышки», которые собирали и хранили — «знаю, што це́лая мы́ла ни давали [мыть умершего]» (Сосновка. ОАФ. № 4613-18). После омовения воду выливали, а мыло и посуду, в которой мыли умершего, выкидывали. Мыло, употреблявшееся при мытье покойного, наделялось особыми свойствами и использовалось в целительстве и ворожбе. Так, например, жена могла дать это мыло мужу, «чтобы у него руки на неё не поднимались». В данном случае мыло приобретало качества, отрицательно влияющие на двигательные функции человека. По другим вариантам, такое мыло обладало лечебной силой, и, используя его, можно было исцелить болезни рук.

Все вещи, которые соприкасались с умершим с момента смерти до его похорон, старались удалить из повседневного обихода членов семьи, вынести из дома, избавиться от них. Обычно их выкидывали либо сразу после смерти, либо по истечении сорока дней. Если умерший лежал на соломенном матрасе, то старую солому вытряхивали и жгли. Сам процесс сжигания соломы у жителей деревенской округи вызывал ассоциации, связанные со смертью, с покойным: «А салóму эту жгут, быва́ла. Как пакóйник — вытриса́ють салóму, жгут яё <...> на улицу выно́сют» (Сосновка. ОАФ. № 4613-18). Одежду, в которой умер человек, постель, предметы омовения могли закапывать: «Адёжу, што э́тава на ём есть, всё надо штоб закапа́ть. <...> кофта, там, сарафан, рубаха и всё это нясе́шь, закапываешь. (А куда?) Ну, куда-нибудь за зга́родку у ямку. <...> Мыло закапывают и тря́пачку, като́рай моешь, тоже закапывают. Расчёску, э́та чем расча́сываешь — это всё на́да закапа́ть. И то[ль]ка што с сяб́я, вот, закапа́ешь. И чашку [из которой его мыли]. Я, вон, харо́шую, новую <...>, то[ль]ка купила, зялё́ны, так ведь пашла́ в ямку, и закапа́ла» (Жданово. ОАФ. № 4710-33, 35).

Важно отметить, что предметы омовения и вещи умершего закапывали или сжигали в определенных, ритуально значимых локусах: передний угол избы («где боженьки»), порог дома, перекресток, берег реки, огород, а также места, обозначаемые исполнителями как те, «где никто не ходит».

Вещи, принадлежащие покойному и находившиеся в хорошем состоянии, стирали и, по прошествии сорока дней либо года после смерти, носили сами. Оставшиеся неиспользуемые

¹ Здесь и далее в тексте даются ссылки на номера по фонду Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова (ФЭЦ СПбГК).

семьей вещи обычно раздавали нуждающимся: «Так падашь што-[нибудь]. Раньше были уж такие плахье, малаимúшные такие бывáли. И платок вот такéй атдалá, и халат атдалá мамин, рубахи две...» (Сосновка. ОАФ. 4613-18).

После омовения покойника обряжали в подготовленную заранее одежду. Одна из основных характеристик смертной одежды — это её новизна (исключение здесь составляет венчальная одежда). «Да как слéдуи[т], на́да харашо́ абряди́ть. Платье харо́шая и низ харо́ший. Ана́ у меня у самой пригатóвли́на — рубáшка, штанишки, платья харо́шая. А как же — всё харо́шее. (Всё новое?) Всё но́вае, а как же — и платы́, какéтка харо́шая, платок красивый» (Раменье. ОАФ. № 4687-20).

В Селижаровском районе зафиксировано несколько вариантов смертной одежды — традиционная (саван, венчальная одежда) и современная новая одежда (для мужчин — костюм, для женщин — платье). Саван вспоминают, как бытовавшую в прошлом разновидность одежды покойного. В причетных текстах, распространенных на данной территории, также встречается упоминание о саванах:

«...Расступи́си ты ж, ма́ти сыра́ зямля́,
И ты ж аткро́иси, грабава́ даска́,
Распалыхни́тесь, бе́лы са́ваны...»

(Дружная Горка. ОАФ. № 4609-27).

Саваны шили из белого холста или коленкора. В местной традиции сохранились воспоминания о двух типах саванов. «Длинный саван» шился из двух, трех полотнищ ткани, без рукавов, с капюшоном, который мог быть присборен и для женщин украшен кружевом. В разных вариантах, саван могли надевать поверх одежды, повязывать поясом, либо оборачивать вокруг тела умершего. «Саван шили как, приме́рна, сей́час халат, то́лька он, саван, с калпако́м был. <...> [Колпак] как капюшон. Вот так, и назадí да са́мава тут по́лу, штобы но́ги закрывáли. <...> Эта назывáлси саван. Раньше то́лька в саванах харани́ли, мужука́ и женщи́ну» (Кузнятино. ОАФ. № 4726-02). Другой тип — «саван-капюшон», который покрывал только голову и плечи. В этом случае его шили из полотна, которое присборивалось и надевалось на голову как капюшон, либо фата. Нижняя его часть закрывала плечи и верх спины (Дяги́лево. ОАФ. № 4728-04).

Традиционно женщин могли хоронить и в венчальной одежде. Это могла быть венчальная пара или элемент костюма, например, кокошник или повойник: «Ра́ньши винча́лись в како́шниках, и в како́шнике и харани́ли. Вот ма́я ро́дная мать. Ана́ уми́рла у ми́не, мне бы́ла шесть лет, и ана́ праси́ла, штоб ни надява́йти ей како́шник на тот свет — всё равно надéли ей» (Дяги́лево. ОАФ. № 4728-04). Женщины сами берегли свою свадебную одежду для похорон. В венчальной одежде также хоронили девушек, не вышедших замуж, и молодых женщин, умерших вскоре после замужества.

После омовения и обряжения в смертную одежду покойного клали на лавку к иконам, в красный угол. «Уже ско́лька там, чилаве́ка три мо́ють, усí надéнуть <...> и кладу́ть [тело умершего] на ла́вку вот так — нага́м к паро́гу. И пака́ вот гроб сде́лають, ляжи́ть» (Сосновка. ОАФ. № 4613-18). В доме обязательно должны быть закрыты зеркала.

С этого момента начинали звучать причитания. В основном причитали родственники или близкие умершего. Если в ближайшем окружении никто не владел этим умением, то причитальщицу приглашали. В поэтических текстах причитаний, исполняемых в данный обрядовый период, звучат мотивы сетований, высказывания своего горя, жалобы на несвоевременную смерть (ранний уход), одиночество, сиротство и т. п.

«Куда ты спра́вилась? Куда ты снаряди́лась?
На каво́ ты аста́вила сваи́х милых детушек?»

(Масягино. ОАФ. № 4730-38).

«Разради́мая ты ма́я уда́лая гало́ушка,
Куда ты а́т мяня́ уходи́шь?
Што ж ты мяня́ аста́вил адна́е сирати́начку?
Што ж я типе́рь буду в сироту́шках дела́ть?»

(Кузнятино. ОАФ. № 4725-18).

В целом, для поэтических текстов похоронных причитаний характерно описание умершего, как утратившего навыки и качества, присущие живому человеку: дееспособность / невозможность осуществления действий; возможность видеть / слепота; возможность слышать / глухота. Это проявляется в поэтических формулах: «закрыл очи ясные», «не скажут уста сахарные», «опустились белые ручушки», «подломились скорые ноженьки»:

«Милая ж ты ма́я сястри́чка,
Ни дажи́дала ж я никагда́
  а́т тибé такой ско́рай смире́тушки.
Што(х) апусти́лись у тибя́
  твай ж бе́лаи ручу́шки.
И па́д(ы)ла́мились, ни па́шли
  твай ж ско́рыи но́жуньки.
И апусте́ло ж у тибé типе́рь тваё
  те́плинькая гне́здышка.
И не па́встреча́ешь ты, не абласка́ешь
  свай́х любимых дете́шек...»

(Дружная Горка. ОАФ. № 4610-06).

Умерший в текстах причитаний предстает навсегда лишенным возможности увидеть «красно солнышко», «услышать кукушечку»:

«Уж типе́рь ты сяво́дни ни уви́дишь
  ты кра́снава со́лнышка»

(Ивково. ОАФ. 4705- 42).

«Ни услыши́шь ты больше кукуши́чки никагда́,
  ни уви́дишь ты света бе́лава»

(Якшино. ОАФ. 4701-33).

Для причитальщицы важно было добиться плача, как ответной реакции присутствующих: «Я помню харани́ла я сваю́ сястру́ ста́ршаю. Пришла я туда харани́ть, все хо́дют, как всё равно, как на сва́дьби. Ничаво́ никто ни пла́чит, ничаво́. А у ней бы́ла семь чилавёк, шесть, сядьмо́ва мальчика убили на вайне́, а шесть чилавёк. Ана́ ж така́я тру́женица бы́ла, хо́дют все — никто ни слезинки, то́лько ади́н сын плака́л, а сёстры хо́дют, как ни́где не́ были. Как я заплакала, как а́ни ахнули все на гроб! Мне сястра́ вта́рая, ста́ршая: “Клавдия, ну ты ма́ленька... Клавдия, ну ты чуть-чуть, ну хоть бы ты...” Ш[т]о ж э́та тако́е, хо́дют, как на пра́здник на какой прише́вши. Ну я как заплакала, как нача́ла причита́ть, а́ны сразу как о́хнули на гроб! Ну у ми́ня ж го́лас-та был какой харо́ший, щас-та што ж я... Тётку Груню пра́важа́ла, всю ули́цу шла, всё а́хали бабы: “Ай, Клавдия, как ты уме́ешь причита́ть! Ай, Клавдия, как же ты уме́ешь причита́ть-та, вся и ди́рэвня пришла!”» (п. Селижарово. ОАФ. № 4596-32).

Через некоторое время тело умершего перекладывали в гроб. Гробы изготавливали из теса: «Па́лят их, ско́блят, ве́дь по́хараны — чи́стый пра́здник. (А как гробы дела́ли?) З да́сок, вы́страгают, вот е́сть доски вы́страгают, да скало́тют гроб» (Ладышкино. ОАФ. № 4725-06). Сохранились отдельные воспоминания об изготовлении на данной территории долблёных гробов, в которых тело может оставаться «нетленным» (Максимково. ОАФ. № 4602-07). На данной территории зафиксировано использование терминологии «дом» в значении «гроб»:

«[Покойника как помогают, кладут] на лавку. А потом сделают дом, в дом положат явó. (А что такое дом?) Гроб, да» (Раменье. ОАФ. № 4687-20).

Пустой гроб нельзя было заносить в избу, поэтому обычно перед этим в него насыпали стружки, оставшиеся в процессе изготовления. В доме гроб застилали, на дно гроба клали листья от берёзового веника или кудель, которую сверху покрывали холстом или коленкором. Для покойного шили подушку (например, из коленкора) и набивали ее сухими берёзовыми листьями, стружкой или куделью: «Падúшку, бывáла, гаваря́ть, нильзя́ пирьявúю, то́жа куделькай натыка́ють. <...> Была счёсана, па́чиски, вот такое мя́киньяе. Раньше ж лён пряли, чисáли на грёбени. Вот э́та вот и падсти́лали, и падúшку из э́тава шíли» (Сосновка. ОАФ. № 4613-18).

Перед тем как переложить умершего, гроб окуривали можжевельником и ладаном. «Ищё он ни палóжин и в гроб, бружавéльник жгёшь и абно́сишь вакру́г гроба. А потом уж клали [покойного] в гроб» (Чащёвка. ОАФ. № 4728-17). Гроб опрыскивали святой водой. Для этих целей использовали ветки троицкой березки, которые хранили весь год. «На́да бы́ла Лёши грóбушка пры́снуть — я взяла́ э́тай бярёзки, святой вади́цы, папры́скала сама» (Дрыгома. ОАФ. № 4728-38).

Покойному в гроб могли класть расчёску, платок. Также умершему клали иконку, которую убирали перед опусканием в могилу.

Гроб с покойным ставили на стол или на стулья, головой к иконам. На ночь, в большинстве случаев, его выносили в прохладное помещение, в неотопливаемую избу или амбар и т. п.

Вечером в доме покойного собирались пожилые женщины, родственницы, соседки, которые всю ночь читали над умершим молитвы («читают Псалтирь»). Накануне похорон гроб с умершим могли уносить в часовню, где на следующий день происходило отпевание покойного.

В течение трех дней, пока умерший находился в доме, приходили родственники и соседи попрощаться с ним. При этом передавали поклоны умершим ранее родственникам:

«Ни павстряча́йт ли там тябе́,
ма́я уда́лая гало́вушка.
Паклани́сь-ка ты яму́,
ат мяне́ пиряда́й нízкай пакло́ниц»

(Перово. ОАФ. № 4703-07).

До похорон ждали приезда всех родственников. В поэтических мотивах причитаний звучат просьбы к умершему последний раз взглянуть «на милых детушек», дать им наказ «своим словечком заветным»:

«Ох, уда́лая ты ма́я гало́[в]ушка,
Ох, на каво́ ж ты миня́ го́рькаю спаки́нешь,
Ста́раю и бальну́ю?
Бросил бы ты лучше мяне́ маладу́ю,
Я была б здра́вая и не саста́рилась бы так.
Ох, уда́лая гало́[в]ушка,
Гляди́ ты в аста́точках и в пасле́дочках
На сваё́ мила́я падво́рьце
И на свайх ми́лых дету́шек,
Ка́торые сляте́лися к тябе́ и сабра́лися,
К твайм хало́дным но́жунькам
И са всех четырёх старóнушек.
Што аткро́й-ка ты свай гла́зушки-та ка́рии,
Разажми́-ка ты свай гу́бушки-та а́лыи,
Ай, скажи́-ка ты свайм ми́лым дету́шкам-та

Завётная-та слóвечка-та,
Штоб не забыли-та аны́ пра миня́, го́рькаю.
Хоть бы то́лька дв[а] слóвечка бы на бе́лай гра́мотке-та.
А накажи́-кань-ка ты им
Свай́м славéчкам-та заветным,
И палюбу́йси-ка на свай́х ми́лых де́тушек»

(Крестцы. ОАФ. № 4606-22).

Самым насыщенным обрядовыми действиями оказывается день похорон, который является кульминационным этапом всего многодневного обрядового комплекса. В местной традиции весь период от прощания в доме и до погребения сопровождался звучанием причитаний: «Да и всё время пла́чишь пака́... И дома, и нясе́шь пла́чишь, и там, кагда́ апуска́ют, кричи́шь на крик» (Куниченково. ОАФ. № 4737-29).

Утром в день похорон обычно проходило отпевание умершего, для этого приглашали священника. Если церковь находилась неподалеку, то отпевание происходило в ней.

Перед выносом из дома гроб с умершим окуривали, используя для этого горячие угольки, ладан. После этого все присутствующие прощались с покойным, просили прощения и кланялись в ноги. В Селижаровском районе зафиксировано бытование особой формы поклонов — «на вытяжку», родные «вытягивались» перед гробом. **Смотреть**

Человек, совершающий поклон, становился на колени и затем полностью вытягивался на полу (или на земле) лицом вниз, сцепив руки за спиной. Обычно присутствующие помогали ему встать, поднимали кланяющегося под руки. «Я вот тут клáнилась мужу́ку. Э́та прóси[шь] прашше́нья: “Прасти́ миня́” и всё. <...> Пря́м на пол, да, рассти́лаи́сь — вот так ру́ки [за спи́ну]. <...> На кале́нки встанешь, а патóм на пол всё равно, и галаво́й на пол. <...> И руки вот так — на вы́тяжку. Ну а патóм тут падыма́ют, канешна, тут уже падыма́ють <...> хто там, свай́» (Сосновка. ОАФ. № 4613-18). Отметим, что данная форма поклона включается и в другие обряды жизненного цикла. Так, в свадебном обряде невеста перед отъездом к венцу таким же образом кланялась («вытягивалась») при прощании с родителями. **Смотреть**

Момент прощания с умершим перед выносом гроба из дома является одним из эмоционально насыщенных, и сопровождается рыданиями и причитаниями. Просьбы передать поклоны, рассказать про жизнь мы находим и в причётных текстах, приуроченных к данной обрядовой ситуации:

«Уже ту, куда ж та ты, ма́я милая сястри́... (и)ца-та, **Слушать**
спра́вилася, с(ы)наряди́лась-та ?
Уже ту, на каво́ ж та ты, ма́я милая сястри́... (и)ца-та,
паки́нула, пабро́сила свай́х милых(ы) де́тушек?
Уже ту, ни́г(ы)де-та ты, ма́я милая сястри́... (и)ца-та,
тяпе́рь (й)им не пывстреча́еси.
Уже ту, ни расскажут-та ани́ тябе́... (е)-та
п(ы)ра сваё бал(и)шо́я го́рюшка.
Уже ту, патарапи́лась-та ты, ма́я радна́я сястри́... (и)ца-та,
кы с(ы)вятым святити́лим.
Уже ту, кы святым-та ты всё святи́... (и)тилим,
к свай́м радны́м радити́лим.
Уже ту, павстреча́ют-та ане́ тябе́... (е)-та,
ма́я милая сястри́ца-та,
Уже ту, параспрóсют-та ане́ у тябе́... (е)-та
пра нас го́рьких сирóтушек.
Уже ту, параскажи́-та ты (й)им, ма́я милая сястри́... (и)ца-та,
пра нашу жизнь го́рямы́шнаю.
Уже ту, а яще́(й)-та тябе́ павстряча́... (а)ит-та
ма́я удалая гало́[в]ушка.

Уже ту, мая-та удалая галó... (о)уш(и)ка,
 мой кармілец Шўрушка.
 Уже ту, параскажи-та ты всё яму пра мяне,
 гóр(и)каю гарямбішницу.
 Уже ту, а ящэ(й)-та ты параскажі пра маю
 мілаю дóчен(и)ку,
 Уже ту, аста́вил(ы)-та он яе... (е)-та
 гóр(и)каю сиратіначку»

(п. Селижарово. ОАФ. № 4595-29).

Чтобы не бояться покойников, нужно было прикоснуться к ногам умершего либо, в других вариантах, посидеть на том месте, где стоял гроб с покойным, и проговорить: «Помяни, Бог, кого я боюсь» (Ильино. ОАФ. № 4714-27). По некоторым сведениям, существовал обычай проходить под гробом в момент выноса его из дома. Это действие должно было также помочь преодолеть страх перед покойным (Боброво. ОАФ. № 4616-22).

Прощание с покойным происходило около 12 часов дня, после чего гроб выносили из дома и устанавливали на машине для отправки на кладбище. Стол или лавку, на которой стоял гроб, опрокидывали, «кувыркали». По мнению исполнителей, это действие производилось с целью предотвратить дальнейшие негативные факторы, как в конкретном доме, так и в деревне в целом — «чтобы не было больше покойников». Плохой приметой было ощущение, что во время прощания или выноса из дома покойник на тебя смотрит. Идущие навстречу похоронной процессии люди, также являлись дурным предзнаменованием будущих смертей: «А то был разгавóр, што если встрети́уся хто вот да мижніка, <...> то ящэ пакóйник у дярэвне будить» (Сосновка. ОАФ. № 4613-18).

После того, как похоронная процессия удалялась на кладбище, оставшиеся в доме женщины поднимали и ставили на место стол и лавки, готовили поминальную трапезу и мыли полы.

Дорогу до кладбища устилали еловыми ветками (варианты — ольха, можжевельник), которые в местной традиции имели название «чащá». Их кидали перед похоронной процессией по мере ее продвижения. Если гроб везли на машине, то ветками выстилали дорогу от дома до машины и кузов, куда ставили гроб. «Чащú» или «бружжевельник» могли стелить в доме перед выносом гроба, после чего ветки собирали и сжигали (Дрыгома. ОАФ. № 4728-31).

Гроб выносили из дома на специальных, подготовленных для этого случая, полотенцах. Если кладбище было недалеко от деревни, то гроб несли на руках. В иных вариантах, несли только до края деревни или до «большака», где ставили его на телегу или кузов машины.

Шествие похоронной процессии сопровождали причитания:

«Идэшь ты паслédний раз па гэтай дарóжиньки,
 Ни идэшь, а тябé нисúт тавáрищи вёрныи.
 Пасматр́и на эту всю природу вечную.
 Ни придэ́тся тябé тяпéрь уж здесь и хад́ить...»

(Ивково. ОАФ. № 4705-41).

В текстах причитаний, звучавших в это время, подчеркивалась невозвратность этого пути:

«...Никогда я типéрь не увижу тебя и не встречу,
 Из пути дальней дороженьки...»

(Хомутово. ОАФ. № 4706-07).

По ходу движения процессия несколько раз останавливалась и те, кто по каким-либо причинам не мог пойти на кладбище, прощались с покойным. Обычно это происходило на улице около дома и на специальном прощальном месте — «богомольная (прощальная) гора», «на росстанях» / «на крестах», у моста, за деревней. Этот локус являлся для деревенской общины

значимым и фигурировал, помимо похоронно-поминального обряда, в других обрядовых ситуациях (в обрядах календарного и жизненного цикла) как место совершения ритуалов. Само прощание сопровождалось просьбой о прощении и поклонами, которые обычно совершали родственники или близкие умершего. Тех, кто не следовал дальше до кладбища, просили помянуть душу умершего и угощали кутьёй. После прощания родственники «спасибо давали» — благодарили всех за то, что они проводили («провели») умершего в последний путь и приглашали на поминки.

Самым напряженным и трагическим являлось прощание на кладбище и, по словам исполнителей, часто женщины не могли причитать и переходили на рыдания и крик. В текстах причитаний, которые могли звучать в этот момент, просьбы «не торопиться опускать в могилушку», «дать наглядется» и т. п.:

«Вы пагадите-ка, вы ни тарапитесь,
Апускать милава дитятку в земелюшку,
В эту сырую толька магилушку...»

(Семёново Село (Иванова Гора). ОАФ. № 4721-11).

По народным представлениям, после похорон происходила символическая встреча покойного с умершими ранее родственниками. Просьбы передать поклоны, рассказать про жизнь мы находим и в причётных текстах, приуроченных к данному обрядовому моменту.

После прощания из гроба изымали икону и закрывали его крышкой. В могилу кидали монетки, «откупали место», по другим вариантам, чтобы покойный на том свете мог за эти деньги купить себе свечки, и ему было светлее идти. Перед опусканием гроба родные кидали в могилу платочки, чтобы больше не плакать и похоронить своё горе. Гроб опускали на длинных полотенцах, которые могли оставлять в могиле либо забирали домой. Все присутствующие бросали по пригоршне земли, что у некоторых местных жителей связывалось с фразой «придать земле» (Пустошка. ОАФ. № 4745-01).

После захоронения умершего поминали на кладбище. Расстилали специальную белую поминальную скатерть, которую после помина уносили домой. Присутствующих угощали кутьёй, вином, конфетами, печеньем и приглашали на поминки в дом покойного.

По возвращении с кладбища все обязательно мыли руки, для этого на улицу выносили ведро или таз с водой и полотенце. Перед трапезой читали молитвы. Традиционные поминальные блюда — кутья (раньше из пшеницы с медом, сейчас рис с изюмом), мед, овсяный (позже клюквенный) кисель, который подавали в конце застолья и называли его «последки». В этот же день происходил коллективный помин всей деревенской общиной, когда поминальную еду выносили на улицу и раздавали всем жителям деревни: «Раньше, я помню, в дярэвне вынаси́ли кисель — эта паминать называ́ится. Кисель, и делали с мёду кутью. <...> [Теперь] канфёт и пачёнину выно́сют, а рáньше да, раньше вынаси́ли кисель, и вот э́тат кисель вазьме́шь нямно́жка, кисялька́ паче́рпнешь, и па́том э́тай кутьёй малéничка паче́рпнешь. <...> Кто жа́лают, па́дхóдют, ну а лóжкой адно́й, канéшна. <...> Адну́ ложечку взять кисялька́, ну там ско́лька ты паче́рпнешь, ско́лька там в тибя́ зала́зя, ну пачарпнёшь. Вот э́та, наприме́рна, чашка кисяля́ и па́том чашка кутиé. <...> Называ́ются — памина́ют» (п. Селижарово. ОАФ. № 4596-32).

На поминки готовили пироги с рыбой, щи, холодец, каши. В 1990-х годах в разряд поминальных также входили блюда, приготавливаемые на любые праздничные застолья — разнообразные салаты, колбасы, конфеты, печенье.

Для покойного в красном углу («около икон») ставили стопку с водкой и хлеб, которые находились там до сорокового дня.

На следующий день после похорон родственники ходили на кладбище «проведывать» умершего, приносили для него «завтрак». Считается, что если не принести еду, то покойный

останется голодным. «На первый день ездят на кладбище. Иначе могут явó ни пустить, ни пако́рмят. Эта надо абязáтельна. <...> Вот схарани́ли, а назáвтра náда ехать. (Почему?) Могут явó ни пакарми́ть, ни прímут в сваё óбщества. (Это родители не примут?) Да. Радíтели и все, кто там у их» (Краски. ОАФ. № 4590-20). Посещая кладбище на второй день после похорон, родственники спрашивали, обращаясь к покойному, как он переночевал, как его приняли.

В местной традиции к числу поминальных относятся третий, девятый, сороковой дни и годовщина смерти. На девятый день за поминальным столом собирались обычно только близкие родственники. В этот день могли посещать кладбище либо поминать только дома. В поминальные дни могли звучать причитания, при очень сильном переживании горя женщины могли причитать весь период до 40 дней.

Сороковой день иногда называют в данной местности проводы души, умершего поминали на кладбище и дома. На поминки приглашали всех родных и близких, а также тех, кто помогал во время похорон: мыл, копал могилу, нес гроб. В этот день причитали и на кладбище, и в доме перед поминальной трапезой:

«Уже ту, пагляжý-га я на все чаты́ри старо... (о)нуш(и)ки-та
ва все-та я угало́чки-та,
Уж ту, ни увижу-га я сваю́ сястри́цу Ма... (а)нюшку-га
ни в како́м-та угало́чке-га»
(п. Селижарово. ОАФ. № 4596-31).

На сороковой день снимали белый холст, который был вывешен на улице в день смерти и относили на могилу (варианты: пускали по реке; отдавали нищим — «памира́шкам», «дабыва́шкам»; закапывали). Далее умершего поминали в годовщину смерти, а также по прошествии двух, трёх, пяти и семи лет.

В течение года основными поминальными родительскими днями являлись Радуница, Троица и Дмитровская суббота. Накануне этих праздников обычно ходили прибирать и приводить в порядок могилки. В Пасху после всенощной службы шли «на могилки», где катали яйца — «сто́савались с родителями». После чего эти яйца отдавали нищим: «[На Пасху] идúть сто́сають радíтелей, у каво́ есть. И ёта я́чка сразу атдаёшь, нíшшые ста́ять» (Сосновка. ОАФ. № 4613-18). На Радуницу обходили кладбище с пением тропаря «Христос Воскресе», умерших поминали на могилах крашеными яйцами (также «сто́савались с родителями»), кутьей, пирогами. Для птиц сыпали на могилы крупу, приговаривая: «Поминайте, птицы небесные». Также ходили поминать умерших на кладбище в Троицу (или в троицкую субботу), приносили поминальную еду — пироги, яйца, конфеты т. п. Брали с собой березовые ветки, которые оставляли на могиле. В традиции определяется ряд поминальных родительских дней (масленичная суббота, «Казанская» и т. д.), по которым также могло происходить поминание в церкви или на кладбище.

В поминальные дни, особенно в Троицу, на кладбище причитали:

«Припаду я к тибé, ма́я земля матушка,
Папрашú я тибя́, ма́я радíмая,
Парассы́псья ты, паразда́йси-ка,
Парассы́птсья вы, бéлыи ка́мышки,
Приаткро́йсе-ка ты, грабава́ бела даска́,
Приаткро́й ты, ма́я чада милая, свай очи я́сныи...»

Слушать

(Озерёво. ОАФ. № 4811-04).

Аналогичный поэтический мотив «бужения умершего» присутствует в причитаниях невесты-сироты, что объединяет их с другими поминальными причитаниями. Накануне свадьбы

невеста приходила на могилу к умершему родителю и с причетом просила ее благословить, либо причет мог звучать утром в день свадьбы, в момент благословления невесты:

«...Пасматрю же я па всем, па чытырём(ы) угóлышкам,
Тóлька нету ж маевó кармíлица батюшки.
Расступíси ты ж, ма́ти сыра́ зямля́,
И ты ж аткрóиси, грабава́ даска́,
Распалыхнítесь, бéлы са́ваны,
И прилитí ж ты ка мне и мой кармíлец батюшка...»

(Дружная Горка. ОАФ. № 4609-27).

Причитания являются доминантной художественной формой, функционирующей в похоронно-поминальном обрядовом комплексе. Реже в описаниях исполнителей встречаются сведения об исполнении молитв, которые пелись или читались в отсутствии священника. Причитания сопровождали все основные ритуальные действия похорон. Начало их звучания приходится на период нахождения умершего в доме после его омовения и обряжения. День похорон является самым насыщенным звучанием причетов, которые практически не стихали от момента прощания с умершим в доме перед выносом гроба и до погребения. Таким образом, кульминация звучания причитаний связана с перемещением умершего из «своего» пространства дома, деревни, в «чужое» пространство кладбища, «мир мертвых».

Обращаясь к народной терминологии, связанной с причитаниями, мы можем выявить некоторые особенности, как причетной формы, так и манеры исполнения. Так, плачевую направленность отражают термины: «скугóрить», «скугóлить», «плакать», «выть», «галасítь», «реветь». В данной традиции наиболее распространен термин «скугóрить» либо «скугóлить» в значении причитать. «Што-нибудь расстрóисси, запла́чишь, вот тябé и скугóр»; «Расстрóисьти, придёшь и скугóришь сидишь. Э́та назывáется — папла́чишь, папричитáишь, што ё́стя» (п. Селижарово. ОАФ. № 4596-32). С повествовательным началом связаны термины: «причítывать», «читáть», «прибату́ривать».

Высокую тесситуру и яркую, напряженную динамику характеризуют термины «крича́ть», «ара́ть». В противоположность к данной манере исполнения, в традиции имеет место другая, связанная с тихим, приглушённым звучанием: «Пла́чишь — э́та го́ласам кто пла́чит, а кто ходит и так пла́чит, тíха, бяз го́ласа. Вот э́та и назывáются скугóрить» (Чащевка. ОАФ. № 4728-17). Такое сосуществование в традиции разных манер исполнения (громкое яркое и тихое, вполголоса) связано с тем, что причитания как музыкальная форма функционируют, как в похоронно-поминальном обряде, так и в дальнейших индивидуальных поминальных практиках. Актуализация причитаний вне ситуации поминания на кладбище или в доме в родительские дни связывается исполнителями с достижением особого обрядового состояния: «когда грустно станет», «взгру́стнетца», «тоска задавила», плохо, скучно. Помимо эмоционального фактора, устойчивыми являются и локусы, в пределах которых они исполняются: в доме, у окна, в поле, в лесу. К этой же группе относятся и причитания на кукушку, которой в традиционной образно-мифологической системе предоставлялась роль посредника с иным миром. В этом случае сам фактор кукования кукушки являлся определяющим в появлении фольклорного текста. Причитания как форма ритуальной коммуникации оказываются основным компонентом данных обрядовых ситуаций.

Слушать

Таким образом, обращение к народной терминологии имеет важное значение для понимания фольклорного явления. Возникающие в каждом конкретном случае народные термины, номинации позволяют выявить всю полноту свойств и характеристик художественной формы.

В Селижаровском районе удалось зафиксировать такие редкие жанры народной прозы, как рассказы об обмирании, которые повествуют о временной смерти (летаргическом сне), во время которой душа совершает путешествие в иной мир. *Слушать*

В вариантах, бытующих в местной традиции, Иисус Христос выступает как проводник по загробному миру и показывает душе мучения грешных после смерти, затем отправляет ее обратно на землю, после чего следует пробуждение-воскрешение человека. Происхождение этих рассказов связано с апокрифическими текстами, основанными на соединении христианских образов с народной мифологической системой представлений.

Следует отметить, что представленный похоронно-поминальный обрядовый комплекс, включая музыкально-стилевые особенности художественных форм, выявляет общие черты на более широкой территории северо-западных районов Тверской области и новгородско-тверского пограничья.

Литература

- Калмыкова Ю. Ю. Верхневолжские причитания в свете народной терминологии // Вопросы музыковедения и музыкального образования. Сб. науч. тр. Вып. 3. Вологда: Русь, 2007. С. 254–258.
- Толстикова (Калмыкова) Ю. Ю. Образно-поэтическая система похоронно-поминальных причитаний на территории новгородско-тверского пограничья // Этнографическое изучение Северо-Запада России: Итоги полевых исследований 2001 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. Материалы VI Региональной научной конференции молодых ученых / под ред. А. В. Гадло. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001. С. 56–59.
- Толстикова (Калмыкова) Ю. Ю. Причитания в системе культурной традиции (по материалам фольклорных экспедиций в район озера Селигер). Дипломная работа. СПбГК, 2000. Рукопись.
- Толстикова (Калмыкова) Ю. Ю. Структура похоронно-поминального обрядового комплекса в культурной традиции бассейна озера Селигер // Этнографическое изучение Северо-Запада России: Итоги полевых исследований 1999 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. Краткое содержание докладов IV межведомственной научной конференции аспирантов и студентов / под ред. А. В. Гадло. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. С. 84–86.

Сведения об аудиопримерах

1. «Уже ту, куда ж та ты, мая милая сестрица, снарядилась, справилась?». Похоронное причитание (прощание в доме). Тверская область, Селижаровский район, п. Селижарово. Исп.: Мамонтова Клавдия Алексеевна, 1918 г. р. (род. в д. Макарово Захаровского с/с Селижаровского р-на). Зап.: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В., Мальцева О. В., 11.02.1996. ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 4595-29.
2. «Припаду я к тебе, земля матушка». Поминальное причитание (причитали на могиле в Трошцу). Тверская область, Фировский район, Фировский с/о, д. Озерёво. Исп.: Нилова Раиса Фёдоровна, 1921 г. р. Зап.: Козлова И. П., Пархомова Е. А., 03.02.1997. ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 4811-04.
3. «Уж ты серая кукушечка». Причитание на кукушку. Тверская область, Фировский район, Дубровский с/о, д. Острцово. Исп.: Гуляева Анна Григорьевна, 1916 г. р. (род. из д. Стан Трестинского с/о). Зап.: Кандакова Ю. С., Балакшина С. Р., 03.09.1996. ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 4742-49.
4. Рассказ об обмирании. Тверская область, Селижаровский район, Шуваевский с/с, д. Куниченково. Исп.: Волкова Екатерина Ивановна, 1912 г. р. Зап.: Кандакова Ю. С., Пархомова Е. А., 03.09.1996. ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 4737-23.

Funeral and Memorial Ritual Complex of the Selizharovo District, Tver Region

Julia J. Kalmykova

Leading folklore specialist of the Centre for Folklore and Ethnography named after Anatoly M. Mekhnetsov at the St. Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory

Summary

Field materials collected in 1996–1997 during the expeditions of the St. Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov to the districts of the Tver Region belonging to the territory of the Seliger Lake basin testify to the good preservation of the funeral and memorial ritual complex. In the course of the survey, it was possible to record detailed descriptions of the rite, to identify its local features, for example, rare forms of ritual bowing to the ground, which are locally designated as “stretching”, “bowing to the hood” and used when bidding farewell to the deceased. In the local tradition, the existence of solo lamentations has been preserved, which is included at different stages in funeral and memorial rituals. All these circumstances make it possible to fully imagine both the ritual complex as a whole and to trace the functioning of art forms in it.

Keywords

Selizharovo, Lake Seliger basin, upper Volga, funeral rite, lamentations, poetic motive, farewell, commemoration, misery, parental days

Submitted on: 15.11.2020

Published on: 01.05.2021

For citation:

Kalmykova, Julia J. “Funeral and Memorial Ritual Complex of the Selizharovo District, Tver Region”. In *Folk traditions: music – poetry – dance*, No. 1 (2021), pp. 84–96 (in Russian).

DOI 10.53086/2713-0452-2021-1-1-008